
К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

В ELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

УДК 94(476)«19»+81(476)(092)

И. В. ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИНГВИСТА

О. И. МАЛЮГИН¹⁾, А. Н. МАКСИМЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена биографии филолога-слависта Иосифа Васильевича Волк-Левановича и его деятельности в Белорусском государственном университете. На основе ранее не опубликованных документов, а также новейшей историографии в тексте приведены неизвестные детали его биографии, связанные с учебой, службой в армии, семьей, взаимоотношениями с коллегами по университету, представлена трактовка И. В. Волк-Левановича причин его конфликта с И. Ю. Лёсиком и другими деятелями белорусского национального движения 1920-х гг. Помещенные в статью тексты документов (воспоминания, страницы дневника, письма) наглядно демонстрируют процессы, происходившие в научно-педагогической и культурной жизни Минска в период проведения политики белорусизации.

Ключевые слова: И. В. Волк-Леванович; И. Ю. Лёсик; воспоминания; Белорусский государственный университет; лингвистика; преподавание белорусского языка.

Образец цитирования:

Малюгин ОИ, Максимчик АН. И. В. Волк-Леванович и его воспоминания: штрихи к портрету лингвиста. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:59–79.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-59-79>

For citation:

Maliugin OI, Maksimchik AN. J. V. Volk-Levanovich and his memories: touches on the portrait of linguist. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;2:59–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-59-79>

Авторы:

Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.
Андрей Николаевич Максимчик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Authors:

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
maliugin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-5848-5918>
Andrey N. Maksimchik, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
forest_child@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1910-5051>

I. В. ВОЎК-ЛЕВАНОВІЧ І ЯГО ЎСПАМІНЫ: ШТРЫХІ ДА ПАРТРЭТА ЛІНГВІСТА

А. І. МАЛЮГІН^{1*}, А. М. МАКСІМЧЫК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны біяграфіі філолага-славіста Іосіфа Васільевіча Воўк-Левановіча і яго дзейнасці ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. На аснове раней не апублікаваных дакументаў, а таксама навейшай гістарыяграфіі ў тэксце прыведзены невядомыя дэталі яго біяграфіі, звязаныя з вучобай, службай у арміі, сям'ёй, узаемаадносінамі з калегамі па ўніверсітэце, прадстаўлена трактоўка І. В. Воўк-Левановіча прычын яго канфлікту з І. Ю. Лёсікам і іншымі дзеячамі беларускага нацыянальнага руху 1920-х гг. Змешчаныя ў артыкуле тэксты дакументаў (успаміны, старонкі дзённіка, лісты) наглядна дэманструюць працэсы, якія адбываліся ў навукова-педагагічным і культурным жыцці Мінска ў перыяд правядзення палітыкі беларусізацыі.

Ключавыя словы: І. В. Воўк-Левановіч; І. Ю. Лёсік; успаміны; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; лінгвістыка; выкладанне беларускай мовы.

J. V. VOLK-LEVANOVICH AND HIS MEMORIES: TOUCHES ON THE PORTRAIT OF LINGUIST

O. I. MALIUGIN^a, A. N. MAKSIMCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. I. Maliugin (maliugin@bsu.by)

The article is devoted to biography and activities at the Belarusian State University of Slavic philologist Joseph V. Volk-Levanovich. On the basis of previously unpublished documents, as well as recent historiography, the text contains unknown details from his biography (studies, military service, family), relations with colleagues at the university, interpretation by J. V. Volk-Levanovich of the causes of the conflict with J. Y. Lesik and other figures of the Belarusian national movement of the 1920s. The documents published in the article (memoirs, diary pages, letters) clearly demonstrate the processes that took place in the scientific and pedagogical and cultural life of Minsk during the period of the policy of Belarusization.

Keywords: J. V. Volk-Levanovich; J. Y. Lesik; memorials; Belarusian State University; linguistics; teaching the Belarusian language.

Введение

Иосиф Васильевич Волк-Леванович (07.11.1891–02.02.1938) – одна из тех трагических фигур белорусской науки и культуры 1920-х гг., чья судьба была тесно связана с Белорусским государственным университетом. Несмотря на свой недолгий период пребывания в стенах БГУ (1924–1930), ученый внес значительный вклад в становление и развитие белорусской лингвистики. В то же время монографические исследования о его жизни и творчестве отсутствуют¹, имеются лишь немногочисленные работы, научные [1–8], публицисти-

ческие [9; 10] и даже литературные [11], где Иосиф Васильевич представлен в образе доцента БГУ Афанасия Ивановича Корб-Вороновича. Все они опираются в первую очередь на материалы личного архива И. В. Волк-Левановича, которые хранятся в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси², а также на документы БГУ в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ)³. Наибольшее внимание исследователей привлекала научная деятельность И. В. Волк-Левановича, а также его конфликт с И. Ю. Лёсиком и другими представителями

¹О том, что попытки в этом направлении велись, но не были до конца реализованы, свидетельствует письмо директора Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук БССР М. И. Судника (1910–1995) к супруге И. В. Волк-Левановича Ларисе Григорьевне от 8 августа 1970 г. В нем сообщалось, что институт языкознания «собирает в настоящее время все рукописные и печатные материалы Иосифа Васильевича Волк-Левановича, помня о нем как о талантливом исследователе белорусского и других славянских языков. Собираем мы эти материалы не только для хранения, но и для возможного в будущем издания в одном или двух томах его трудов. <...> Лично я собираюсь написать о нем брошюру, когда соберу нужный материал» (личный архив Б. Н. Левановича – внука И. В. Волк-Левановича).

²Отд. редких кн. и рукописей Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа НАН Беларуси. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 171.

³В первую очередь это фонд № 205, описи 1 и 3, где собрано большое количество документов, связанных с деятельностью И. В. Волк-Левановича в БГУ.

белорусского национального движения того времени [9; 12–14]. Наиболее ярко этот конфликт отразился в протоколе заседания совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета БГУ от 1 февраля 1924 г., где был заслушан доклад, на основании которого выносилось решение о праве ученого читать лекции по истории белорусского языка⁴.

Источниковедческий анализ

Жизнь и творчество И. В. Волк-Левановича связаны не только с Минском и его научными учреждениями: Иосиф Васильевич учился в Петербурге, был знаком со многими российскими учеными. Соответственно, ряд документов, относящихся к личности лингвиста, хранятся в Санкт-Петербурге, в частности в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук: переписка с Б. М. Ляпуновым⁵ и Е. Ф. Карским⁶, документы, освещающие обучение И. В. Волк-Левановича в местном университете⁷.

После отъезда из Беларуси Иосиф Васильевич работал сначала в Саратове (1930–1934), а затем, после первого ареста, в Оренбурге (1934–1937), где также остались материалы о его деятельности⁸.

Основное место в публикации документов, связанных с жизнью И. В. Волк-Левановича, в рамках данной статьи занимают отрывки его воспоминаний и фрагменты дневника, хранящиеся в НАРБ. До настоящего времени они не были опубликованы полностью, но частично стали предметом лишь одной работы белорусского языковеда Г. А. Цыхуна, в личном архиве которого эти материалы хранились [5]. Геннадий Афанасьевич работал с воспоминаниями до того момента, как они были научно обработаны, и потому ссылаясь на них в своей статье по собственной нумерации, публикуя выдержки из них для иллюстрации отдельных эпизодов истории белорусской лингвистики 1920-х гг. В настоящее время эти воспоминания хранятся в коллекции документов «Народный архив»⁹. Они вместе с другими материалами были переданы в НАРБ Г. А. Цыхуном в 2009 г. После проведения сотрудниками отдела личных фондов научно-технической обработки документов была составлена опись за 1927, 1929–1930 гг., в состав которой вошло 8 единиц хранения.

Однако вне поля зрения исследователей остались многие другие документы, связанные с биографией И. В. Волк-Левановича, которые хранятся как в белорусских и российских архивах, так и у внуков лингвиста (справки, удостоверения, автобиографии, воспоминания, письма, фотографии и т. д.). Именно анализу этих документов и введению их в научный оборот и посвящено данное исследование.

Сам текст воспоминаний написан чернилами на русском языке, на разорванных половинках листов формата А4. На обороте – машинописный текст по истории белорусского языковедения. На обороте л. 16 – карандашный рисунок двух геральдических элементов. Текст писался И. В. Волк-Левановичем в разное время, что видно по слегка изменяющемуся почерку, внесению исправлений (некоторые делались сразу при написании текста, некоторые – спустя определенное время). Начало написания текста относится примерно к 1928–1929 гг. Текст воспоминаний занимает л. 1–22, его начало не сохранилось. По нумерации самого автора видно, что всего было 47 листов, сохранившийся текст начинается с л. 26. К тексту воспоминаний примыкают еще л. 23–27, ошибочно также отнесенные к воспоминаниям. Скорее всего, это разрозненные страницы дневника И. В. Волк-Левановича, не датированные, не нумерованные, но записанные на тех же половинках листов А4, что и сам текст воспоминаний. Сохранились два фрагмента дневниковых записей: л. 23, где И. В. Волк-Леванович передает беседу М. Н. Пиотуховича с П. В. Ильюченком, и л. 24–27, где автор дневника описывает ход своих занятий со студентами по лингвистике. Порядок листов дневниковых записей в деле перепутан, текст начинается с л. 26, затем следуют л. 27, 25 и 24.

В основной части статьи, а также в публикации документов были использованы материалы личного архива внука И. В. Волк-Левановича – Бориса Наумовича Левановича, который любезно предоставил авторам копии сохранившихся документов (ссылки на них даны в тексте). Ранее эти материалы опубликованы не были и изобилуют неизвестными деталями биографии и деятельности Иосифа Васильевича.

⁴НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 761. Л. 15–20 об. ; Д. 781. Л. 23–25 об. (Копии этого протокола сохранились в нескольких экземплярах в разных фондах НАРБ, что дополнительно свидетельствует о том отклике, который в республике вызвал и сам доклад, и последовавшая за ним дискуссия. Наиболее подробным исследованием этого протокола и обстоятельств, связанных с конфликтом между И. В. Волк-Левановичем и И. Ю. Лёсиком, является статья Т. Чернякевича, где приводится и публикация самого документа [6].)

⁵С.-Петербург. филиал арх. Рос. акад. наук (ПФА РАН). Ф. 752. Оп. 2. Д. 50.

⁶Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 29. (Частично письма И. В. Волк-Левановича к Е. Ф. Карскому опубликованы [14, с. 360].)

⁷Центр. гос. ист. арх. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385.

⁸Текущий архив Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Государственный архив Оренбургской области (Ф. Р-971 – Оренбургский государственный ордена «Знак Почета» педагогический институт имени В. П. Чкалова).

⁹НАРБ. Ф. 1527. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–27.

Основная часть

Иосиф Васильевич Волк-Леванович был представителем старинного дворянского рода Великого княжества Литовского герба «Трубы». Известный по историческим источникам с XVI в., этот род в 1863 г. был внесен в первую часть дворянской родословной книги Минской губернии¹⁰. Определением Правительствующего сената 30 ноября 1900 г. И. В. Волк-Леванович был признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в дворянскую родословную книгу¹¹. В советский период, заполняя в анкете графу «происхождение», Иосиф Васильевич писал, что он «из трудовой семьи мелкого земледельца» или «сын трудового землепашца (из бывших дворян)»¹². Интересно, что в религиозном плане семья будущего ученого являлась поликонфессиональной: отец, Василий Андреевич (1846–1926), был православного вероисповедания, а мать, Розалия Стефановна (1847–1932), – римско-католического¹³.

Родился И. В. Волк-Леванович 7 ноября (25 октября ст. ст.) 1891 г. на хуторе Леоновка Свислочской волости Бобруйского уезда Минской губернии (сейчас – Осиповичский район Могилёвской области). Крестили его 16 ноября (3 ноября ст. ст.) в уездной свислочской Николаевской церкви. Кроме Иосифа, в семье было еще трое старших сыновей (Константин, Николай, Александр) и три дочери (Анастасия, Анна, Мария). По воспоминаниям сестры, Ося (так звали его в семье) «с детства отличался серьезностью, увлекался чтением книг. С братьями и сестрами был всегда в дружбе. <...> По отношению к родителям Ося был очень внимательным, вежливым и во всем помогал им. У него никогда не было пустого время препровождения. Даже на отдыхе возле речки или в лесу он никогда не расставался с книгами»¹⁴. Позже, при заполнении анкеты сотрудника БГУ, И. В. Волк-Леванович укажет, что обладает земледельческими навыками: «Умею пахать, косить, знаю все другие земледельческие сельскохозяйственные работы»¹⁵.

В семилетнем возрасте Иосиф пошел в школу в д. Голынке. Его первый учитель Матвей Тимофеевич Борзаковский, заметив стремления мальчика к знаниям и его незаурядные способности, настоятельно рекомендовал родителям устроить сына в гимназию для продолжения учебы. Несмотря на

отсутствие в семье значительных свободных средств, родители нашли возможность для обучения Иосифа. В августе 1901 г. он поступил в Бобруйскую классическую гимназию, где обучался до 4 июня 1911 г.¹⁶ В городе жила его старшая замужняя сестра, которая представила ему бесплатную квартиру и письменный стол. После того как И. В. Волк-Леванович окончил полный восьмиклассный курс, педагогический совет гимназии постановил наградить его серебряной медалью за «постоянное отличное поведение и прилежание, и отличные успехи в науках, в особенности же в истории»¹⁷.

Желая продолжить свое образование в области истории, Иосиф Васильевич в 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В столице он жил на средства, которые зарабатывал, давая частные уроки. К обучению в университете И. В. Волк-Леванович приступил с большим рвением. Уже в июле 1911 г. он написал на имя ректора обязательство следующего содержания: «Сим обязуюсь в течение первого года (1911–12 уч. г.) пребывания моего на историко-филологическом факультете Университета сдать греческий язык по установленной программе»¹⁸. Говоря о годах учебы, Иосиф Васильевич подчеркивал, что «универсітэцкая праца, асабліва праца у семінарыях, моцна мяне захапіла і я з вялікай прыемнасцю ўспамінаю тыя часы, якія прыходзіліся праседжваць у рускім аддзеле Публічнай бібліятэкі, ці на паседжаннях семінарыю, прыймаючы ўдзел у дыспутах»¹⁹. В первый год обучения И. В. Волк-Леванович работал под руководством профессора кафедры российской словесности И. А. Шляпкина и написал труд «Баба-яга в русском и зарубежном эпосе». На втором году обучения принимал участие в семинарии профессора В. В. Сиповского, в котором взял для исследования тему, посвященную жизни и деятельности известного писателя-байрониста А. А. Бестужева-Марлинского. Затем перешел на семинарии академика А. А. Шахматова по изучению Жития Феодосия Печерского (текст XI в.), а также посещал занятия по польскому языку в сравнении с русским и другими славянскими языками члена-корреспондента Петербургской академии наук, профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. Помимо учебы,

¹⁰ Алфавитный список по дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года. Минск : Губ. тип., 1903. С. 62.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 12.

¹² НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 1 ; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 45.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 9.

¹⁴ Из воспоминаний сестры Анастасии Васильевны Волк-Леванович (личный архив Б. Н. Леоновича). Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригинала.

¹⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 1.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 10 об.

Иосиф Васильевич с 1911 по 1914 г. занимался общественной работой: являлся секретарем, а затем товарищем председателя Бобруйского землячества при Петербургском университете²⁰.

Начало Первой мировой войны внесло существенные коррективы в обучение И. В. Волк-Левановича в университете. К этому моменту он перешел на 4-й курс и сдал практически все факультетские экзамены. Однако желание ощутить себя не сторонним наблюдателем, а активным действующим лицом в важный исторический момент толкало его к решительным действиям. В результате 4 сентября 1914 г. он написал заявление на имя ректора Петроградского университета, в котором просил переслать его документы нотариусу для снятия копий, необходимых для поступления в Николаевское кавалерийское училище²¹. Руководство университета его просьбу удовлетворило, и 30 ноября 1914 г. Иосиф Васильевич поступил в училище. К этому моменту вместо двухгодичного курса обучения кавалерийское училище в связи с начавшейся войной перешло на ускоренный восьмимесячный срок подготовки. По окончании курса Иосиф Васильевич 1 июня 1915 г. был произведен в прапорщики 7-го драгунского Кинбурнского полка и направлен в г. Борисоглебск в 6-й запасной кавалерийский полк. Кинбурнский полк убыл на Юго-Западный фронт 18 марта 1916 г., где вошел в состав 7-й кавалерийской дивизии. До сентября 1917 г. корнет Волк-Леванович в составе полка принимал участие в военных действиях, дослужившись до звания поручика. В одном из боев немецкий кавалерист проткнул его пикой и задел легкое. Полученная рана дала осложнение в форме плеврита. В связи с этим Иосифа Васильевича эвакуировали с театра военных действий и отправили 3 октября на лечение в Полтавский офицерский госпиталь²². Врачебной комиссией в декабре 1917 г. он был признан негодным к дальнейшей воинской службе и направлен на домашнее лечение к родителям в Бобруйский уезд. Последняя должность И. В. Волк-Левановича в армии – полковой казначей. За полтора года службы он был награжден орденами Святого Георгия IV степени, Святой Анны II степени с мечами, Святой Анны III степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью: «За храбрость», Святого Станислава II степени с мечами, Святого Станислава III степени с мечами и бантом²³.

В своей автобиографии Иосиф Васильевич отмечал, что по приезде домой его «захватила немецко-польская акупація». В этот сложный для Беларуси период Иосиф Васильевич устроился преподавателем

русского языка и литературы, а также латинского языка в восьмиклассную мужскую гимназию в Бобруйске, директором которой являлся И. Р. Годыницкий-Цвирко. Затем И. В. Волк-Леванович преподавал в Глуске, а с сентября 1919 г. – в Клецкой общественной гимназии²⁴. В это время молодой учитель познакомился со своей будущей супругой Ларисой Григорьевной Лукашевич (1897–1993), с которой прожил всю свою жизнь. Она родилась в Клецке в семье протоиерея Минской епархии. В 1914 г. окончила Минское женское училище духовного ведомства, затем – одногодичные педагогические курсы при Витебском учительском институте по отделению естествознания и географии. После этого вернулась в Клецку и стала преподавать в гимназии. В браке у них родились две дочери: Ксения (1921–2004) и Леонилла (1925–2014).

Лариса Григорьевна вспоминала, что с будущим мужем они познакомились в начале 1918 учебного года в Глуске: «Я пришла на спектакль, но оказалось, что мое место по билету занято. Мне дали другой стул. Мое место было занято новым преподавателем, с которым меня познакомили. В дальнейшем мы встречались в учительской. Мы наблюдали друг за другом. Я все больше убеждалась в том, что Иосиф Васильевич целеустремленный, порядочный человек, и он все больше оказывал мне внимания. После школьных занятий мы часто гуляли по окрестной дороге. Однажды он снял с меня легкий шарф и просил обвязать им его руку. После этого он стал на колени, сказав: “Теперь я Ваш рыцарь, и я прошу Вашей руки”. Я подала руку и он поцеловал ее. С этих пор он стал называть меня по имени, но на Вы. Так было до самой свадьбы»²⁵. По настоянию сестры Иосифа Васильевича молодая семья переехала в Бобруйск, где они быстро смогли устроиться на преподавательскую работу.

В конце июля 1920 г. И. В. Волк-Левановича, как имевшего опыт и знания кадрового военного, мобилизовали в Красную армию. С августа 1920 по сентябрь 1921 г. он находился на должности помощника адъютанта запасного кавалерийского полка, затем был помощником начальника административно-мобилизационного отдела и председателя учетно-конской комиссии Нарвоенкомата ССРБ в Минске. В феврале 1921 г. по приказу Реввоенсовета республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные подготовительные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. Практически сразу начались классные и строевые занятия. Для преподавательской работы на курсах пригласили

²⁰ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 45 об.

²¹Там же. Л. 20.

²²Рос. гос. воен.-ист. арх. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящ. 7439-В. Л. 672.

²³Учетно-воинский билет И. В. Волк-Левановича, март 1922 г. (личный архив Б. Н. Левановича).

²⁴ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 29.

²⁵Мои воспоминания о моем муже Иосифе Васильевиче Волк-Левановиче. Л. 2 (личный архив Б. Н. Левановича).

И. В. Волк-Левановича, который с 1 сентября 1921 по 24 марта 1922 г. вел занятия по русскому языку вплоть до увольнения в бессрочный отпуск. Параллельно с курсами он успевал преподавать русскую литературу в 7-й трудовой II ступени школе Минска. Из документов личного архива Б. Н. Левановича также известно, что с мая по октябрь 1922 г. Иосиф Васильевич работал на должности управляющего делами Объединенного управления лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности Белоруссии «Лесбел»²⁶.

Однако чисто преподавательский труд и административная должность не были для Иосифа Васильевича тем призванием, к которому он стремился. Ему не давала покоя мысль о необходимости завершения обучения в университете: «Увесь час, жадаючы звярнуцца да навуковай працы і фактычна на працягу ўсіх гэтых 8 гадоў не меўшы магчымасці ёю грунтоўна заняцца. Я ўрэшце, пасля звальнення ад вайскавай службы, атрымаў гэтую магчымасць»²⁷.

Решению этого вопроса поспособствовал руководитель Народного комиссариата просвещения ССРБ известный историк В. М. Игнатовский, который направил в сентябре 1922 г. письмо на имя ректора Петроградского государственного университета Н. С. Державина. Оригинал письма за подписью наркома хранится в студенческом деле И. В. Волк-Левановича. В нем сообщалось следующее:

Настоящим Народный комиссариат просвещения Белоруссии просит зачислить в число студентов Университета б[ывшего] преподавателя 7-ой трудовой школы II-й ступени гор. Минска Иосифа Васильевича Волк-Левановича, как б[ывшего] студента историко-филологического факультета Петроградского (б[ывшего] Императорского) Университета и предоставить ему возможность окончить курс.

При этом Наркомпрос просит распространить на тов. Волк-Левановича те льготы в отношении освобождения от платы, назнач. стипендии и проч., коими пользуются т. т. (товарищи. – О. М., А. М.), командируемые на бесплатные вакансии в виду того, что означенный т[оварищ], проработал около 4-х лет в школе и 2 года в Красной Армии.

В настоящий же момент, по причине большого сокращения школьной сети по Белоруссии, т[оварищ] Волк-Леванович, в виду выраженного им желания закончить высшее образование, освобождается от должности, дабы наилучшим образом подготовиться к продолжению работы по просвещению трудящихся масс Республики»²⁸.

Тогда же Иосиф Васильевич написал заявление на имя ректора, в котором просил об обратном зачислении в университет с предоставлением ему права сдавать экзамены по старому учебному плану. Он также настоятельно просил о предоставлении ему бесплатной вакансии и назначении стипендии: «...ввиду того, что абсолютно не имею возможности жить в Петрограде на собственные средства, ибо таковых не имею. Ко всему тому на моем иждивении находится жена и полуторагодовалая девочка»²⁹. Заявление было положительно рассмотрено руководством Петроградского университета, и И. В. Волк-Леванович был снова зачислен в качестве студента, но уже на факультет общественных наук на этнолингвистическое отделение. Во время учебы Иосиф Васильевич слушал лекции корифеев российской и советской лингвистики: академика Е. Ф. Карского, профессоров П. А. Лаврова, Д. К. Петрова, И. И. Толстого, параллельно успешно сдавал экзамены. Жена вспоминала, что профессора по этому поводу говорили: «Вы сдаете экзамены как пироги печете»³⁰. В процессе учебы И. В. Волк-Леванович сдружился с Е. Ф. Карским, с которым вел переписку после окончания университета [15, с. 359].

В конце мая 1923 г. 31-летний Иосиф Васильевич успешно окончил университет. «Стремясь как можно скорее уехать на родину (в Белоруссию), где я оставил жену и дочь, живших без всякой поддержки с моей стороны, я, не взирая на возможность устроиться на службу (хотя и очень скромно) в Ленинграде, не задерживаясь ни одного лишнего дня, уехал в Белоруссию. Немаловажной побудительной причиной, заставившей меня устремиться [как] возможно скорее на родину, было то обст[оятель]ство, что из газет мне было известно о той широкой научной и национально-культурной работе вообще, которая развернулась в Белоруссии под руководством Ком. партии и Сов. власти»³¹. Еще одну причину приезда в ССРБ И. В. Волк-Леванович обозначил в автобиографии, которую вместе с заявлением подал в правление БГУ 28 сентября 1923 г.: «З даўніх часоў цікавіўся я беларускім адраджэннем, будучы сам натуральна беларусам, але не меў часу к гэтаму руху прыстаць актыўна. Цяпер жа, маючы навуковае падрыхтаванне, я жадаў бы гэтае падрыхтаванне скарыстаць для далейшай навуковай працы ў напрамку культурнага будавання сваёй дарагой Бацькаўшчыны»³². В Минске Иосиф Васильевич остановился в доме № 3 по 1-му Безымянному переулку при улице Толстого и устроился препода-

²⁶Мандат от 30 мая 1922 г. и удостоверение от 11 октября 1922 г. на имя И. В. Волк-Левановича (личный архив Б. Н. Левановича).

²⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 11.

²⁸ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 31.

²⁹Там же. Л. 1.

³⁰Мои воспоминания о моем муже Иосифе Васильевиче Волк-Левановиче. Л. 2 (личный архив Б. Н. Левановича).

³¹Воспоминания И. В. Волк-Левановича о работе в БГУ. Л. 1 (личный архив Б. Н. Левановича).

³²НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 11 об.

давателем белорусского языка в польском и еврейском педагогических техникумах. В заявлении о приеме в университет он указал, что хотел бы получить должность ассистента при кафедре истории белорусского языка на педагогическом факультете. В БГУ в это время практически единственным преподавателем белорусского языка был известный общественный деятель, писатель и языковед И. Ю. Лёсик, который в июне 1923 г. поставил перед правлением БГУ вопрос о необходимости назначения ассистента на кафедру в связи с большой загруженностью [6, с. 349]. Как видно из письма профессора П. А. Бузука на имя Е. Ф. Карского от 4 марта 1926 г., курс истории белорусского языка настойчиво предлагали Петру Афанасьевичу, но тот отказался, так как «В.-Леонovich уже успел начать читать [курс] до моего приезда в Минск» [15, с. 359].

Инициаторами приглашения И. В. Волк-Левановича на работу в БГУ стали И. И. Замотин и М. Н. Пиотухович, которые подняли этот вопрос на заседании предметной литературной комиссии 20 сентября 1923 г. Тогда было решено просить Иосифа Васильевича подать заявление и *curriculum vitae* для рассмотрения на следующем заседании комиссии³³. В том же году 6 октября заявление о предоставлении места ассистента при кафедре белорусского языка и автобиография кандидата были рассмотрены, причем в протоколе указано не только «просить Деканат и Правление об утверждении его в указанной должности», но и «в случае необходимости для Волк-Левановича научной командировки для разработки названного курса по истории белорусского языка просить о такой Деканат и Правление»³⁴. Литературная комиссия также постановила, что «Волк-Леванович обязан начать чтение курса по истории белорусского языка не позднее 1-го февраля 1924 г. и обязательно на белорусском языке»³⁵. В соответствии с принятым решением 1 февраля 1924 г. на заседании совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета Иосиф Васильевич воспользовался *pro venia legend* (правом читать лекции). Лекция была посвящена историческому изучению белорусского языка в славянской филологии. В ее обсуждении приняли участие профессора Н. М. Никольский, И. И. Замотин, В. Н. Перцев, И. Ю. Маркон, доценты М. Н. Пиотухович, М. Б. Вейнгер, преподаватели А. Н. Вознесенский, Н. Н. Шекатихин, В. Д. Друщиц, Л. Н. Цветков, И. Ю. Лёсик, К. М. Мицкевич (Якуб Колас), И. Я. Герцык, Г. Э. Зимель, Н. В. Азбукин. Этот документ интересен тем, что он засвидетельствовал начало не только личного противостояния

И. В. Волк-Левановича и И. Ю. Лёсика, но и двух направлений в видении будущего белорусского языкознания, которые они представляли. Не вдаваясь в детали обсуждения лекции и последующих разногласий, отметим, что расхождения во взглядах, при отстаивании которых ученые нередко апеллировали к чувствам, а не к разуму, в итоге привели к тому, что все его участники, как это ни парадоксально может звучать, внесли свой определенный вклад в развитие белорусской лингвистики.

Несмотря на то что при обсуждении доклада И. В. Волк-Левановича И. Ю. Лёсик необоснованно обвинил его в незнании белорусского языка, протоколом правления БГУ от 19 февраля 1924 г. было постановлено «признать ассистента при кафедре истории белорусского языка И. В. Волк-Левановича достойным звания преподавателя означенной кафедры. Определить И. В. Волк-Левановичу вознаграждение в размере ставки научного сотрудника, сроком с 1 сего февраля»³⁶. Предметная литературная комиссия 16 апреля 1924 г. рекомендовала к печати его работу «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии»³⁷.

О ситуации с преподаванием лингвистических дисциплин на педагогическом факультете в своем отчетном докладе о результатах 1924/25 учебного года говорил ректор В. И. Пичета: «...в области лингвистики далеко не все обстояло благополучно. Университет не имел квалифицированного преподавателя. Целый ряд лингвистических дисциплин читался ассистентом Цветковым, и надо признать, мало интересно и мало производительно. Ассистент Цветков, 17 лет тому назад оставленный при Московском Университете по кафедре славяноведения и языка, разумеется, не мог быть в курсе тех научных вопросов, которые за последние 20 лет рассматривались в лингвистической науке. Тем не менее и при наличии суррогатов курсов, студенты-лингвисты имели известную возможность познакомиться с основами языкознания вообще и славяно-русского, в частности. К сожалению, кафедра истории белорусского языка была вакантна. Правда, Предметная Комиссия наметила для чтения курса по истории белорусского языка ассистента Волк-Левановича, который в Предметной Комиссии защитил работу, одобренную проф. Карским и Замотиным, на право чтения курса. Однако, это вызвало резкое движение со стороны белорусской интеллигенции, в лице Инбелкульта, и части студенчества, которое категорически отказалось слушать Волк-Левановича. Сначала Главпрофобр задержал утверждение Волк-Левановича. Когда же это

³³НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 780. Л. 81.

³⁴Там же. Л. 91.

³⁵Там же. Оп. 3. Д. 1353. Л. 12.

³⁶Там же. Л. 2.

³⁷Там же. Оп. 1. Д. 781. Л. 68.

утверждение состоялось и лекции Волк-Левановича были начаты со второго полугодия, то последние не могли состояться за отсутствием слушателей»³⁸. Дисциплина «Гісторыя беларускай мовы» должна была читаться студентам-лингвистам 4-го курса. Как это выглядело на практике, видно из протокола заседания деканата педагогического факультета от 19 февраля 1925 г.: «Пытаньне аб курсе па гісторыі беларускае мовы дзеля студэнтаў лінгвістаў IV-га курса, чытаньне якога даручана Галоўпрафобрам С.С.Р.Б. асыст. В.-Левановічу. З прычыны адсутнасьці слухачоў курс у сучасны момант ня чытаецца. Па тлумачэньню прадстаўнікоў факкома студэнты IV курса беларускае секцыі заявілі факкому, што асс. Воўк-Левановіча яны слухаць ня будуць, бо яны лічуць, што курс асс. Воўк-Левановіча ім нічога ня дасць»³⁹. На заседании было решено передать вопрос на рассмотрение правления университета, так как ни у студентов, ни у представителей общественных организаций факультета нет никаких фактов в поддержку такого заявления, поскольку курс фактически не читается. Судя по выступлению В. И. Пичеты, и правление ничего не смогло сделать со своевольными студентами [16, с. 66–67]. Позднее, во время следствия в ГПУ БССР, И. Ю. Лёсик в протоколе допроса от 18 августа 1930 г. отмечал, что «студенты не раз бойкотировали Левановича и поддерживали мою дискуссию с Левановичем в “Савецкай Беларусі”, но всякий раз они терпели поражение. Леванович оставался на месте, а студенты должны были слушать его лекции и сдавать ему зачеты» [17, с. 102].

Осенью 1925 г. на заседании предметной литературной комиссии И. Ю. Лёсик вновь предложил лишить И. В. Волк-Левановича права читать курс по истории белорусского языка и передать его чтение профессору П. А. Бузуку, который по приглашению В. И. Пичеты в это время приехал в Минск. Против этого предложения выступили И. И. Замотин и М. Н. Пиотухович, и оно было отклонено комиссией⁴⁰. Детали этого конфликта описаны в воспоминаниях Иосифа Васильевича: «Результатом этих закулисных интриг было предложение из Главпрофобра неофициально ректору устроить передачу моего курса Бузуку. Ректор предложил мне передать этот курс проф. Бузуку, но с непременным условием, чтобы последний компенсировал мне его одним из своих многочисленных курсов (их у проф. Бузука обрзовывалось вместе с моим вместе – целых семь!).

Но как, очевидно, целью группы Я. Лёсик и К^о было совершенное лишение меня возможности работать научно в Ун-те и вообще в Белоруссии, то проф. Бузук, желая угодить этим негласную власть имущим людям, стал определенно уклоняться от компенсации меня другим научным курсом. Конфликт был передан на рассмотрение Президиума предметной комиссии, куда были вызваны проф. Бузук и я. Т. к. проф. Бузук не явился на это заседание, то президиум согласно пожеланию наиболее сознательной части студенчества (высказанному представителями профкома и ячейки КП(б)Б), постановил курс истории бел. языка оставить за мною, тем более, что я два года специально готовился к этому курсу, тогда как проф. Бузук вопросами белор. языка до того времени совершенно не занимался»⁴¹.

Несмотря на противодействие студентов и части преподавателей, в апреле 1927 г. И. В. Волк-Леванович был утвержден Наркомпросом в должности доцента кафедры белорусского языка⁴². Однако обвинения в некомпетентности и непрофессионализме Иосифа Васильевича на этом не завершились [18, с. 293–301]. На заседании коллегии Наркомпроса БССР 10 октября 1927 г., где обсуждался доклад В. И. Пичеты о работе БГУ, развернулась жаркая дискуссия, в ходе которой П. В. Ильюченко вновь вспомнил об И. В. Волк-Левановиче: «...вывучэньне беларускай мовы трэба паставіць на практычнай глебе. Маюцца скаргі на Воўк-Левановіча, што ён ня зьвяртае ўвагі на чыстату беларускае мовы»⁴³. Ситуация не стала менее напряженной и в 1928 г. В начале июня коллегия Наркомпроса рассматривала заявление студентов – выпускников БГУ, выступивших против И. В. Волк-Левановича в прессе. Они просили дать им возможность сдавать зачет по курсу белорусоведения не И. В. Волк-Левановичу, а другому преподавателю. Коллегия решила передать вопрос на рассмотрение правления БГУ и просила учесть те обстоятельства, что сложились вокруг конфликта между частью студенчества и И. В. Волк-Левановичем⁴⁴. На заседании правления БГУ 13 июня 1928 г. была рассмотрена телефонограмма наркома просвещения А. В. Балицкого о приеме зачетов у студентов 4-го курса по белорусоведению. В ней нарком отмечал, чем была вызвана его депеша: «...з прычыны тых абставін, якія адбыліся паміж выкладчыкам Воўк-Левановічам і часткай студэнтаў 4 к.»⁴⁵. В результате правление предложило компромисс и решило просить профессора М. Н. Пиотуховича

³⁸НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781. Л. 14–15.

³⁹Там же. Д. 801. Л. 28.

⁴⁰Там же. Л. 291.

⁴¹Воспоминания И. В. Волк-Левановича о работе в БГУ. Л. 5 (личный архив Б. Н. Левановича).

⁴²НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 225. Л. 108.

⁴³Там же. Л. 9.

⁴⁴Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3521. Л. 316–317.

⁴⁵Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 272. Л. 140.

присутствовать на приеме зачетов И. В. Волк-Левановичем. В итоге этого конфликта была создана комиссия по оценке научной и педагогической деятельности доцента И. В. Волк-Левановича, постановление которой было рассмотрено на заседании деканата педагогического факультета от 23 августа 1928 г.⁴⁶

В 1929 г. были составлены списки профессорско-преподавательского состава БГУ с краткой их характеристикой. Они сохранились в материалах партийного фонда НАРБ, не имеют ни точной даты, ни подписи. Характеристика И. В. Волк-Левановича в этих списках краткая и весьма положительная: «Соответствует своему назначению как преподаватель белорусского языка и соответствует как филолог белорусского языка. Советски лоялен»⁴⁷.

Логическим завершением преподавательской карьеры И. В. Волк-Левановича в БГУ стал приказ № 32 ректора И. П. Кореневского от 21 мая 1930 г.: «Лічыць дацэнта Воўк-Левановіча О. В. аслабленым ад працы у Б.Д.У. з чысла сканчэння яго заняткаў – з 1-га ліпеня 1930 г., што і прадставіць на зацвярджэнне ў Народны Камісарыят Асветы БССР»⁴⁸. Впрочем, Наркомпрос БССР не дал своего согласия на увольнение И. В. Волк-Левановича с резолюцией: «Паведаміць, што НКА не зацвярджае. 27.05.30»⁴⁹. Такая позиция во многом объяснялась тем, что во властных структурах республики увольнение Иосифа Васильевича расценивалось как нежелательное. Это хорошо видно на примере характеристики лингвиста, данной председателем ГПУ БССР Г. Я. Раппортом в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б К. Гея от 22 мая 1930 г.: «Отъезд Волк-Левановича из БССР политически не

выгоден, так как с его отъездом разваливается группа белорусов-восточников, которая ведет непрерывную борьбу с группой западников и расшифровывает их контрреволюционную сущность». Исходя из этого, председатель ГПУ делал вывод: «...считаю в корне не верной позицию некоторых членов КП(б)Б (Волобринского, Белуги, Сенкевича), занятую по отношению к Волк-Левановичу. Их выступления против Волк-Левановича на руку белорусским нац. демократам – укрепляет положение последних»⁵⁰. Противоположные позиции в отношении дальнейшей судьбы И. В. Волк-Левановича в Беларуси в конечном итоге привели к тому, что лингвист выехал в Саратов. Но и после отъезда из БССР его фамилия продолжала фигурировать в партийных документах и в периодической печати⁵¹. Так, о нем говорится в материалах по обследованию состояния дел с белорусизацией на педагогическом факультете БГУ, рассмотренных на заседании Октябрьского РК КП(б)Б г. Минска 12 декабря 1930 г.: «Канкрэтнае вырашэнне справы беларусізацыі ў умовах Пэдфаку выяўляла во ўсёй нагаце праявы вялікадзяржаўнага шовінізму і канкрэтных носыбітоў яго і яны шлі ў напрамку адчыненага выступлення з боку асобных навуковых працаўнікоў Пэдфаку супроць лініі партыі ў нацыянальным пытанні і ў прыватнасці справы беларусізацыі (справа ШЧАПОЦЬЕВА, ВОЛК-ЛЕВАНОВІЧА, заява ГАВАРОЎСКАГА), асобныя з іх не находзілі рашучага адпору з боку арганізацыі Пэдфаку»⁵². Критиковались проявления великодержавного шовинизма со стороны И. В. Волк-Левановича и А. С. Щепотьева и на совещании научных работников-коммунистов от 9 сентября 1930 г.⁵³

Заключение

Дальнейшая планомерная работа в белорусских и российских архивах (в первую очередь в Саратове и Оренбурге) по выявлению документов, касающихся биографии и деятельности Иосифа Васильевича Волк-Левановича, позволит качественно дополнить уже имеющиеся наработки. При этом ее результаты не смогут существенно скорректировать вывод о том, что И. В. Волк-Левановичу принадлежит видное место среди известных лингвистов, работавших в БГУ в 1920-х гг. Белорусский период деятельности ученого был очень плодотворным в его научной творческой биографии. Не-

смотря на не всегда благоприятную атмосферу, И. В. Волк-Леванович активно работал и как лектор, и как ученый. Он профессионально занимался вопросами исторического развития белорусского языка, истории отдельных явлений фонетической системы и грамматического значения, исследовал и описывал памятники старобелорусской письменности и особенности белорусских народных говоров. Его «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» 1927 г. являются актуальным и ценным памятником белорусской лингвистической науки на определенном этапе ее развития.

⁴⁶НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 881. Л. 106 (с резолюцией «Прыняць да ведама»).

⁴⁷Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4360. Л. 6.

⁴⁸Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 375. Л. 108. (Основанием для появления приказа послужило заявление ученого, в котором он просил уволить его в связи с необходимостью покинуть Минск по семейным обстоятельствам, написанное 18 мая 1930 г.)

⁴⁹Там же. Д. 410. Л. 207.

⁵⁰Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4720. Л. 36.

⁵¹Сянькевіч А. За ленінскую лінію ў нацполітыцы // Польша. 1930. № 11/12. С. 160–161 ; «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі / Беларус. акад. навук, Ін-т філасофіі. Менск, 1931. Т. 1, ч. 2 : Мовазнаўства / Л. Бабровіч [і інш.]. С. 144–145.

⁵²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 230.

⁵³Там же. Д. 5439. Л. 130.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧА⁵⁴

Воспоминания Волк-Левановича И. В. о научной деятельности и коллегах. Неполный текст⁵⁵

- [л. 1] ...Кажется, самого Некрашевича⁵⁶ (тут я сказал, до меня дошли разговоры, будто он меня знает еще по Бобруйску, где я раньше якобы выступал против белор. дела)⁵⁷. Свои слова Некрашевич отрицал, а относительно Лёсика⁵⁸ отделался полужутливыми замечаниями, что, мол, Лёсик не является «адказнай асобай» и что, значит, на его слова не стоит обращать внимания. Во время нашего разговора явился как раз и «сам» Язэп Лёсик, с которым меня и познакомил Некрашевич. Лёсик при этом буквально «зверем» посмотрел на меня и для первого знакомства (а точно уже, как было дальше, не для первого) не сказал ни одного слова, обратившись сейчас же к Некрашевичу с какими-то разговорами... некоем Зелезее, у кот. есть какие-то материал[ы]... архива Качанца⁵⁹ и т. п. Расстались мы с Некраш... не придя ни к чему определенному.
- [л. 2] Мои выводы из разговора с Н. были весьма неутешительны. Для меня было ясно, что передо мною воздвигается какая-то глухая стена; притом я искал и не видел и не мог найти тех оснований, которые заставляли этих, по-видимому, самых влиятельных из белорусских националистов — Некрашевича и Лёсика — эту стену передо мною воздвигать. Со всею добросовестностью я старался || найти оправдания этой их тактике — и не находил. В самом деле: если меня не знали «шчырыя беларусы» до моего появления на Минском (вернее, на ихнем националистическо-культурном) горизонте, то своей б. м. особого рода политической точки зрения они были правы, опасаясь приобщения к *белор. культ.*⁶⁰ работе человека неизвестного им своей «правоверностью». Правда у меня на этот счет *возникали, как мне казалось*, правильные соображения и выражения: неужели, казалось мне, допустимо такое положение, что в то время, как дело возрождения белорусской культуры ставится на государственные рельсы, когда существует Белорусская Соц. Сов. Республика с утвержденной конституцией и законным правительством, возможна решающая и *контролирующая* роль в этом деле со стороны еще неясного, неопределившегося ни в своей структуре, ни в функциях чисто культурного учреждения, каким являлся Институт Белор. Культуры? Казалось бы, что при наличии ясного и недвусмысленного декларирования прав белорусских трудящихся на социалистическое госуд.-культурное строительство в белорусских национальных формах, каждый гражданин БССР, чувствующий призвание и выказывающий искреннее желание посвятить свои силы и знания делу *социалистич.* строительства любой из четырех, признанных *конституцией БССР* равноправными, национальных культур — белор., русской, еврейской и польской — что
- [л. 3] каждый такой гражданин может и должен встретить со стороны правительственных, партийных, общественных и проч. организаций и учреждений полную поддержку и радостный прием, особенно, если принять во внимание бедность Белоруссии в культурных работниках. При всем том, однако, гос. учреждения и обществ. и культ. организации, несомненно должны быть и разборчивы в людях, принимая во внимание сложность политической обстановки и классовых взаимоотношений в переживавшуюся и переживаемую полит. эпоху, особенно если почему-либо возникает сомнение в той или иной кандидатуре. Так и в моем личном деле: если возникло сомнение в моей кандидатуре т. е. правильно ли поступает университет предоставляя мне, белорусу — со вполне определенной научной подготовкой — возможность научно работать в области белор. языка, то кто,

⁵⁴Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

⁵⁵НАРБ. Ф. 1527. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–27.

⁵⁶Некрашевич Степан Михайлович (1883–1937) – белорусский общественный деятель, ученый-языковед, академик Белорусской академии наук (1928). С 1920 по 1925 г. являлся заведующим литературно-издательским отделом Наркомата просвещения БССР, председателем Научно-терминологической комиссии, председателем Института белорусской культуры. В 1927–1928 гг. – председатель отдела гуманитарных наук Инбелкульта. В 1929 г. – вице-президент Белорусской академии наук и председатель Орфографической комиссии и Комиссии по созданию словаря живой народной речи.

⁵⁷Над строкой мелким почерком вписано одно предложение (неразборчиво): «Является обидным и оскорбительным при наличии полит. (?) искренности с моей стороны, заподозрить кот[орую] никто не имел не может иметь никаких оснований».

⁵⁸Лёсик Иосиф Юрьевич (1883–1940) – белорусский общественный и политический деятель, писатель, публицист, языковед и педагог. С 1921 г. преподавал в БГУ, работал в Инбелкульте, Белорусской академии наук. Автор учебников по белорусскому языку для школ и педагогических техникумов.

⁵⁹Имеется в виду архив Казимира Карловича Костровицкого (Каруся Каганца), который после смерти поэта в 1918 г. его жена А. К. Костровицкая передала И. Ю. Лёсика на сохранение и использование. В 1919–1920 гг. И. Ю. Лёсик занимался разбором наследия К. К. Костровицкого и публикацией его произведений.

⁶⁰Здесь и далее слова, выделенные курсивом, вписаны сверху строки.

какое учреждение должно потребовать объяснений от университета или же сделать отвод моей кандидатуры — Наркомпрос ли Белоруссии, коему непосредственно подведомственен *Белор. Госуд.* Университет или же Инбелкульт?

- [л. 4] Кем и когда было регламентировано за Инбелкультом право налагать veto на кандидатуры приглашаемых Университетом научных сотрудников? Для меня было ясно — да и другие сведущие лица, у кот. я спрашивал разъяснения по этим вопросам, подтвердили мои соображения, — что Инбелкульт не имеет никаких официальных прав || и полномочий на такой контроль над университетом и, следовательно, самочинно присваивает себе эти права. Так отнесся к этому вопросу и Университет, как я узнал впоследствии, по поводу получения им отношения ИБК, требовавшей от университета согласования с ИБК кандидатур научных работников по белорусским дисциплинам.

Оставляя, однако, в стороне это, правда, грубое формальное нарушение взаимоотношений госуд. органов и учреждений, б. м. — спрашивал я себя — ИБК имеет на такой контроль моральное право? Но и тут я в данном случае не находил оснований на такие прерогативы. В самом деле: если вопрос шел о моей научной подготовке, кот., хотя и была ясна уже из факта успешного окончания курса б. Петроградского ун-та, но б. м. нуждалась в проверке, то спрашивается, кто прежде всего был бы тут заинтересован в такой проверке моей квалификации то ли учреждение, в кот. я собирался работать, т. е. Университет или же то, в кот. я не просился? И кто имел в конце концов и формальное и моральное право подвергнуть меня такой проверке? Не оставалось ни для меня ни для кого иного и прежде всего Университета никакого сомнения, что все эти права были на стороне Ун-та.

- [л. 5] В самом деле: моя кандидатура ни с какой стороны || не являлась случайной и необоснованной. С предложением своей работы по линии белор. науки и просвещения я обратился непосредственно в Наркомпрос, даже не подозревая, как человек свежий, о существовании ИБК, а тем более о наличии у последнего тенденций к правящей и контролирующей роли. Обо мне доложил и представил для личной беседы управляющий делами НКПроса заместителю Народного Комиссара Просвещения т. Кореневскому⁶¹ (кот. в то время, за отсутствием т. Игнатовского, исправлял должность Наркома). С т. Кореневским я имел совершенно определенную беседу. Т. Кореневский с удовольствием услышал о моем желании посвятить себя белорусской культ. работе и, ознакомившись с моим заявлением, жизнеописанием и дипломом, нашел мою кандидатуру весьма желательной. Тут же он набросал передо мной те *широкие* перспективы, кот. передо мною открываются на поприще белор. культ. работы: преподавательская работа, составление и печатание учебников по белор. языку и литературе, научная работа и т. д. Всякая работа, которую я надлежащим образом выполняю, будет в высшей степени полезна и приемлема: работники и работа нужны с самых широких размерах. Тут же т. || *Кореневский*, как сейчас помню, просил т. Гутковского⁶² познакомить меня с проф. М. Н. Пиотуховичем⁶³, чтобы последний, ознакомившись с моей подготовкой и моими научными интересами, мог бы мне посоветовать и посодействовать моим дальнейшим *интересам и направлению*⁶⁴ в белор. культурной и научной работе. Знакомство, как я уже упоминал, состоялось и направление было намечено: в университет. Ко всему этому нужно добавить, что и Н. М. Гутковский, и М. Н. Пиотухович, будучи преподавателями университета, были одновременно и *членами Института Белор. Культуры*⁶⁵, белорусами. Таким образом, движению моему в *белорусскую культ.* работу был дан толчок самим Наркомпросом. Кандидатура в университете была рекомендована надлежащим университетским ответственным *лицам*⁶⁶ (председателю предм. Комиссии и ректору) *белорусами*⁶⁷, связанными как с университетом, так и с ИБК. И являлось совершенно непонятным, почему два члена ИБК — Лесик и Некрашевич — имели больший авторитет в моем деле, нежели другие два члена ИБК — Пиотухович и Гутковский. Если допустить, что ИБК имел *моральное* право подвергнуть
- [л. 6]

⁶¹Кореневский Иосиф Петрович (1888–1937) – белорусский ученый-педагог. С 1920 по 1925 г. – заместитель наркома просвещения БССР, заведующий Белпедтехникумом, с 1925 г. – действительный член Инбелкульта. В 1927–1928 гг. – ректор Коммунистического университета имени В. И. Ленина в Минске, заместитель ректора (1928–1929), ректор БГУ (1929–1931).

⁶²Гутковский Николай Макарович (1886–1938) – белорусский юрист. С 1921 г. работал управляющим делами, юрисконсультантом в Наркомате просвещения БССР. С 1922 г. – научный сотрудник Инбелкульта, преподаватель БГУ. В 1924–1925 гг. – сотрудник Постоянного представительства БССР при Правительстве СССР. Работал в аппарате ЦИК СССР, позже был консультантом Комиссии законодательных проектов при СНК БССР.

⁶³Пиотухович Михаил Николаевич (1891–1937) – белорусский литературовед, педагог, критик. С 1921 г. – преподаватель и секретарь Белпедтехникума, с 1922 г. – преподаватель белорусской литературы в БГУ, действительный член Инбелкульта. С 1926 г. – профессор кафедры истории белорусской литературы БГУ и декан педагогического факультета БГУ. С 1929 г. – действительный член Белорусской академии наук.

⁶⁴Вписано вместо слова «связям».

⁶⁵Здесь и далее подчеркивание соответствует типу выделения в тексте оригинала.

⁶⁶Здесь и далее полужирным выделены зачеркнутые в оригинале фрагменты.

⁶⁷Вписано вместо слова «лицами».

- [л. 7] мою кандидатуру общественной проверке со стороны приемлемости ее в отношении моей белорусской благонадежности, то он не имел ни малейшего ни морального, ни физического права подвергать мою кандидатуру проверке со стороны моей квалификации научной, ибо в нем в то время не было ни одного не только ученого специалиста в области лингвистики, но даже просто хотя бы равного мне по квалификации лингвиста, т. е. с законченным университетским образованием: сам Некрашевич окончил всего лишь Учительский институт (в Вильне), а Лесик не окончил даже учительской семинарии. Итак оставалось только моральное право контроля, с которым я был бы готов считаться. Однако эти лица в моих глазах потеряли это право уже по тому одному, что, не имея на то никаких оснований, совершенно не зная меня лично, не могли знать обо мне даже понаслышке, *ибо никакими белорусскими вопросами со стороны политической я никогда не интересовался, а тем более публично не выступал, позволили себе приписать мне несуществовавшие у меня тенденции, попросту распустив обо мне клеветнические измышления*. Что Лесик называл меня «ворагам беларускага руху» — этого факта не отрицал и сам Некрашевич, когда я ему об этом сказал во время упомянутой беседы. А что сам Некрашевич распространял ту же небылицу про меня (будто я в Бобруйске выступал публично против белорусского движения), об этом мне передавали лица, заслуживающие полного доверия.
- [л. 8] То же обстоятельство, что Некрашевич отрицал свои слова, когда я потребовал от него объяснений, вполне понятно: ничего другого ему и не оставалось, ибо, признавшись в этом, он ничем бы не мог доказать своей правоты. Ведь во время этой беседы мы узнали и увидели друг друга впервые в жизни и до появления моего на белорусском горизонте в Минске как я, так и он, не знали даже о существовании друг друга на свете. Между тем этот человек повторил свою клевету, как *мне потом передавали (чему теперь охотно верю)*⁶⁸, и весной 1925 года, когда в «Навуковай Раде» ИБК кем-то была выдвинута моя кандидатура в члены ИБК. По словам Лесика, кот. рассказывал об этом выдвижении моей кандидатуры проф. Пиотуховичу и возмущался этим фактом, мою кандидатуру «они» провалили. А мотивом этого провала, как мне передало другое лицо, была именно клевета Некрашевича, повторенная им на этом заседании. Подтверждением того, что эти два лица, т. е. Лесик и Некрашевич, все время упорно препятствовали моему выдвижению, явилась также беседа с Председателем ИБК, т. В. М. Игнатовским⁶⁹ весной 1926 г., а *также и позднейшие факты. Но об этом впереди*⁷⁰.
- [л. 9] Хотя в октябре-ноябре 1923 года эти факты и не имели еще места, то и того, что имело место, было слишком достаточно, чтобы оценить положение должным образом. Ясно было, что я явился неожиданным, непрошенным и нежелательным конкурентом прежде всего для Лёсика и Некрашевича, которые сами собирались продвигаться на арене научной работы в обл. белор. языка, не имея в то время для этого никакой подготовки. Про Лесика, напр., рассказывали мне в то время такие факты *из его преподавательской практики*, кот. походили прямо на анекдоты, *вроде, напр., объяснения происхождения слова «беллетристика» от слова «балет»*⁷¹. При такой ситуации я считал, что и формально, и морально имею полное право не считаться с противодействием моей кандидатуре со стороны таких белорусов, как Лесик и Некрашевич и предоставить решение этого вопроса всецело Университету, поскольку заявление на имя ректора мною уже было подано и вопрос в предметной комиссии был решен для меня положительно. Вместе с тем я не оставил без внимания предложение Некрашевича посещать собрания ИБК, которые тогда происходили по вечерам.
- [л. 10] Последнее обстоятельство, между прочим, мешало регулярному посещению этих собраний, т. к. по вечерам я имел лекции на вечернем Рабфаке Университета. Все же несколько раз я нашел возможность быть в ИБК — раза два на общих заседаниях и раза два на заседаниях терминологической комиссии. Помню, когда я явился впервые — как раз на общее собрание — то единственный человек, который обратился ко мне приветливо, был секретарь ИБК — А. П. Круталевич⁷². Правда, впоследствии, увидев, что

⁶⁸Текст вписан вместо слов «я потом узнал».

⁶⁹Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931) — белорусский общественный и политический деятель, ученый-историк. С декабря 1920 г. — народный комиссар просвещения БССР, в 1921–1930 гг. — профессор БГУ. В 1926–1928 гг. возглавлял Инбелкульт (председатель, с 1927 г. — президент Инбелкульт), с декабря 1928 по январь 1931 г. — президент Белорусской академии наук, директор Института истории. С 1928 г. — академик Белорусской академии наук.

⁷⁰Текст вписан вместо вычеркнутых слов «когда я однажды — в мае или июне 1926 г. (точно не помню) — зашел в ИБК, чтобы просить т. Игна-». По всей видимости, правка внесена непосредственно в момент написания воспоминаний.

⁷¹Текст вписан вместо вычеркнутого: «Так, однажды студенты задали ему вопрос: «Что значит слово «беллетристика»?» И услышали такое глубокомысленное объяснение».

⁷²Круталевич Александр Прохорович (1894–1937) — ученый-математик, спортсмен-шашист, педагог. С 1921 г. — член методической комиссии при Наркомате просвещения БССР и Научно-терминологической комиссии Инбелкульт, с 1922 г. — преподаватель математики в Белпедтехникуме, с 1923 г. — секретарь Инбелкульт, член редколлегии по физическим и математическим изданиям Белорусского государственного издательства, ассистент (1925), доцент (1927) кафедры математики БГУ.

предубеждение «шчырых» против меня очень трудно, даже невозможно поколебать, Круталевич отмежевывался от меня. Так же поступил и еще один член ИБК — М. Громыко⁷³, — который вначале при знакомстве со мною отнесся сочувственно к моему положению и неодобрительно к начинавшейся травле. Когда я зашел в ИБК во второй раз, то происходило общее собрание. Я скромно поместился у двери. Помню, пришел тогда на собрание и т. Балицкий⁷⁴, кот. в то время был вторым заместителем Наркома просвещения Белоруссии. Не помню точно, какие вопросы тогда обсуждались; но только вскоре все присутствовавшие разделились на две группы для терминологической работы. Вторая группа пришла в соседнюю комнату (заседания ИБК происходили тогда в помещении || Наркомпроса на углу Советской ул. и б. Архиерейского пер.). В первой комнате осталась комиссия по терминологии языка и литературы (*тут были Я. Купала, Я. Колас, Чаржинский*⁷⁵, *Байков*⁷⁶, *Лесик и мн. др.*). Заседание долго не начиналось. Присутствовавшие толпились, разговаривали; но никто ни с одним словом не обратился ко мне. Между тем многие уже были со мною знакомы и все знали, кто я и видели, что вот я явился к ним, значит, хочу работать. Между тем я видел, что меня избегают, что мое присутствие только стесняет этих людей. Я ушел тогда в соседнюю комнату, где заседала комиссия «природазнаўчай» терминологии, в тот раз обсуждались и принимались голосованием разные медицинские термины. Помню, что несколько замечаний вставил и я. Помню также, что до конца 1923 года мои посещения ИБК этим и ограничились, повторяю потому, главн. образом, что работа ИБК протекала по вечерам, когда у меня бывали занятия на вечернем рабфаке; да еще и потому, что, не получая никакой определенной работы и видя к тому же по отношению к себе политику полного игнорирования со стороны «сяброў» ИБК, чувствовал себя довольно глупо. Помню также, что, когда вскоре снова открылся поход против меня, эти же самые господа выдвигали как главное обвинение против меня именно это по их мнению умышленное нежелание работать в ИБК, отсутствие у меня интереса к этой работе: ловко обдeldывали дела!..

[л. 11]

Помню еще, что меня вызывал к себе тогдашний декан педагогического факультета, проф. Н. М. Никольский⁷⁷.

[л. 12]

Последний интересовался почему-то вопросом, когда я проявил интерес к белорусскому вопросу и что я делал во время польской оккупации Белоруссии. Я рассказал ему всю чистую правду, что заинтересовался я белорусскими историей и языком только со времени войны с поляками, когда стал вопрос перед каждым белорусом, очутившимся на оккупированной территории, именно вопрос о том, что лучше: ополячиться ли или же в противовес тенденции Польши инкорпорировать Белоруссию как политически так и культурно-национально, — развивать белорусскую культуру, как средство оставить *массу трудящихся* белорусов *хозяевами* в их земле. Интерес мой, однако, не мог определенно развиваться вследствие того, что в том местечке, где я был преподавателем русского и латинского яз. в общественной русской гимназии (м. Клецк), никакой белорусской работы не велось никем. Теперь, однако, я совершенно искренно готов служить делу строительства культуры родного края. Затем я узнал, что на меня воздвигались *еще* какие-то политические поклепы, как на бывшего офицера. В этом отношении я, однако, был спокоен, т. к. ни в каких авантюрах никогда || не участвовал. Вероятно тут хотели воспользоваться тем обстоятельством, что я имею в Белоруссии много однофамильцев, из которых, вероятно, далеко не все были непричастны к разного рода антисоветской деятельности. Вспоминаю даже один такой случай. Летом 1921 года, будучи *командирован Нар. Ком. по военным делам БССР* в Бобруйск для инспектирования постановки подготовительных работ в Бобр. уездном военном комиссариате и по проведению военного учета лошадей, упряжи и повозок (в то время я был в рядах Кр. Армии в должности помощника нач-ка Моб. отд. Нарвоенкомата Бел.), я явился к Бобр. уездному военному

[л. 13]

⁷³Громыко Михаил Александрович (1885–1969) – белорусский писатель и ученый. С 1921 г. преподавал геологию и минералогию в Белпедтехникуме и БГУ, работал в Инбелкульте и Белорусской академии наук, принимал участие в поисках нефти на Полесье.

⁷⁴Балицкий Антон Васильевич (1891–1937) – государственный деятель БССР. С 1921 г. – заместитель наркома, с 1926 г. – нарком просвещения БССР. Действительный член Инбелкульт. В 1929–1930 гг. – член ЦИК БССР.

⁷⁵Чаржинский (псевдоним – Дзержинский) Владислав Викентьевич (1897–1974) – белорусский литературовед, педагог и критик. Учился на этнолого-лингвистическом отделении педагогического факультета БГУ и преподавал белорусский язык на рабочем факультете БГУ. Сотрудничал с Инбелкультом и Белорусской академией наук.

⁷⁶Байков Николай Яковлевич (1889 – после 1945) – белорусский лингвист, литературовед и педагог. В 1920-х гг. преподавал в Институте народного просвещения, Белпедтехникуме. С 1921 г. – ученый секретарь Терминологической комиссии Наркомата просвещения БССР, Словарной комиссии при Инбелкульте (1922–1928), Института языка и литературы Белорусской академии наук.

⁷⁷Никольский Николай Михайлович (1877–1959) – известный историк-востоковед, библеист. На то время – декан педагогического факультета БГУ, профессор. С 1931 г. – академик Белорусской академии наук.

- комиссару, т. Левкову⁷⁸. Последний, когда я ему сказал о цели своего посещения и показал ему свои документы, назвав фамилию, вдруг очень внимательно воззрился на меня: — А как ваше имя-отчество? — Иосиф Васильевич. — А откуда вы родом? — Из Бобруйского уезда. — А волости? — Свислочской. — А не Глусской? — Нет. — А родственников у Вас там нет? — Нет. — Так. Гм... — А почему Вас это интересует? — в свою очередь задал я вопрос. — Гм... Видите ли, дело в том, что у вас есть однофамилец, который теперь оперирует с бандами зеленых в Глусской волости против нас. Его отряды подчинены Балаховичу⁷⁹, и последний произвел его уже в полковники. Он бывший штабс-капитан. Тут я сказал комиссару, что я быв. поручик кавалерии || и штабс-капитаном потому никак и никогда не мог быть, а мог бы быть только штабс-ротмистром, если бы дослужился до этого чина. Тут мы с т. Левковым посмеялись над совпадением фамилий, которое вдруг вызвало у него мысль о возможности столь романтического визита к нему полковника «армии» Булак-Балаховича в моей особе (В это лето как раз происходили известные налеты отрядов Балаховича в районе Гродзянка-Лапичи⁸⁰ и в других районах Белоруссии)⁸¹. Тут же я вспомнил три года назад, во время немецкой⁸² оккупации, когда я был преподавателем русского языка в Глусской частной гимназии Танкевича, я там на вечере, устраивавшемся гимназией, действительно познакомился во время танцев со своим однофамильцем пехотным штабс-капитаном, щеголявшим на вечере все еще в своих штабс-капитанских погонах. Этот штабс-капитан даже познакомил меня с своими двумя сестрами (а м. б. только с одной — теперь уже не помню) и последние меня приглашали к себе в фольварок, кот. находился по их словам верстах, *кажется*, в двадцати от Глуска. Приглашением этим я, однако, не воспользовался, да к тому же вскоре, когда немцы стали очищать || Белоруссию, я со своей молодой женой, учительницей той же гимназии, в коей преподавал, переехали в Бобруйск, откуда я мечтал двинуться в Москву, но так и застрял на зиму в Бобруйске, сначала преподавая в частной женской гимназии Годницкого-Цвирко⁸³, а затем в преобразованной уже советской трудовой школе до мая 1919 г., когда был призван в Кр. Армию.
- Вспоминая все возможные источники злоупотреблений моей фамилией, не могу не упомянуть и еще об одном весьма существенном. Этим источником могли быть утраченные мною мои личные документы, находившиеся среди вещей, кои в конце июля 1919 г. я оставил в своей комнате в Ново-Борисове, отправляясь в *краткосрочный (10-дневный)* отпуск в м. Клецк, куда был вызван *телеграммой* к жене. Последняя находилась у своих родителей в Клецке по случаю беременности, и в то время *как раз родила сына*⁸⁴. Уехал я, конечно, налегке, захватив с собой только одну или две смены белья да запасной чистый китель. Все же вещи, *среди* кот. было изрядное количество белья, две шинели, *сапоги*, *ботинки*, оружие, книги, постель и пр. — все это осталось. Вследствие *неожиданного* наступления, которое начали поляки через три дня после || моего приезда в Клецк, я оказался отрезанным и хотя и пытался уехать, но не смог уже, т. к. Клецк, находившийся весьма близко от фронта, был моментально отрезан от Слуцка, кот. был занят даже, *кажется*, раньше Клецка. Так. образом мне *volens-nolens* пришлось очутиться в оккупированной зоне и я, сбросив с себя красную звезду и все прочее, напоминавшее мою военную службу, благополучно сошел за обыкновенного учителя. К счастью, меня тут же педагогический совет местной общественной гимназии избрал преподавателем русского и латинского языков, на место умершего весной того года Мартышенко (или Мартыненко?), а вещи мои, а с ними и мои личные документы так и пропали. Среди документов между прочим были: 1) Метрическое свидетельство о рождении, 2) Свидетельство о приписке к призывному участку в г. Бобруйске 3) Аттестат зрелости, выданный мне по окончании Бобруйской гимназии (с серебряной медалью) как сейчас помню,
- [л. 17] датированный 4 июня 1911 года. 4) Препроводительное || отношение из *Петербургского*

⁷⁸Левков Максим Архипович (1894–1937) – один из организаторов и руководителей партизанского движения в Беларуси в годы Гражданской войны. С начала 1918 г. – военный комиссар Рудобельской волости, руководитель партизанской борьбы против войск Довбор-Мусницкого и немецких оккупантов в Бобруйском уезде. С августа 1919 г. – в Красной армии. С конца 1920 г. – военный комиссар Бобруйского уезда, председатель Замошского волисполкома. С 1931 по октябрь 1932 г. – нарком юстиции и прокурор БССР, председатель Центральной комиссии по делам бывших красноармейцев и красных партизан.

⁷⁹Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) – белорусский и польский военный деятель. Офицер кавалерии Русской императорской армии, генерал-майор белой армии, генерал отдельного отряда БНР. В 1918 г. вступил в Красную армию, сформировал в районе г. Луги кавалерийский полк и перешел с ним в ноябре 1918 г. к белым. В 1919 г. в чине генерал-майора участвовал в наступлении армии Юденича на Петроград, действуя в районах Гдова и Пскова. Участник советско-польской войны 1920 г.

⁸⁰Гродзянка – деревня, Лапичи – железнодорожная станция в Осиповичском районе Могилёвской области.

⁸¹Имеется в виду полесский поход С. Булак-Балаховича осенью 1920 г.

⁸²Вписано вместо слова «польской».

⁸³Годыцкий-Цвирко Иван Ромуальдович (1856–1942) – педагог, директор Молодечненской учительской семинарии (1900–1907). В 1907 г. открыл в Бобруйске частную 8-классную мужскую гимназию.

⁸⁴Вписано вместо «я был вызван телеграммой». Имеется в виду сын Борис, который умер в малолетнем возрасте.

университета в Николаевское кавалерийское училище, в котором было указано, когда я в Ун-т поступил и сколько времени там пробыл и некот. друг.

В чьи руки попали эти бумаги, кто мог прикрывать свои м. б. весьма рискованные и темные дела моим именем, «один господи ты веши»!.. А м. б. и теперь еще подвизается где-нибудь?

- [л. 18] Разворачивая далее страницы своей эпопеи, вспоминаю, что **мой разговор** моя беседа с деканом педфака, проф. Никольским, последнего по-видимому удовлетворила. После того, приблизительно в конце января 1924 года я был вызван на заседание предметной комиссии литер.-лингвистического отделения Педфака, чтобы дать отчет о своих занятиях по подготовке к преподавательской работе в избранной мною области, т. е. истории белор. языка. Помню, что, придя в университет (Педфак тогда помещался в двух *даже трех* зданиях на Университетской улице), я встретил на площадке лестницы пожилого дядю, который отрекомендовался Цветковым⁸⁵. Я тут же вспомнил слышанные о нем отзывы, как о чудаковатом, но в высшей степени приспособляющемся человеке. До революции — это преподаватель местных средних учебных заведений и, кажется, *духовной* семинарии. В тоже время он || был сотрудником и даже, кажется, редактором одной из местных газет с ярко-националистической российской окраской, а также сотрудничал в Петербургской националистической (которую называли и просто «черносотенной») газетке «Свет»⁸⁶. Впоследствии, когда во время немецкой и польской оккупации стало оформляться белорусское сепаратистское движение, этот гражданин примкнул к белорусам. По-видимому всякий черносотенный, зоологический национализм *всегда* был одинаково мил сердцу этого мужа, как бы он не назывался, просто «русский» или с добавлением слова «бело». Любопытно, что, когда *говорили и* говорят о Цветкове, то непременно вспоминали и вспоминают еще и Байкова, называя их всегда рядом: «Цвяткоў і Байкоў». Последний точно так же, как и Цветков, стал ренегатом российского официального национализма с тех пор, как последний потерял свою казну и «смажанным запахло» со стороны всяких других националистов. Этот персонаж также решительно, как и Цветков, объявил себя стопроцентным белорусом и принялся *с великим рвением* за уничтожение всяких истинных и ложных «россиянизмов», руссизмов, «руссизмов» из создававшегося белорусского литературного языка. Такого нужного человека сразу же оценил и || взял под свою высокую руку С. Некрашевич и оба они рьяно взялись за фабрикацию практического белор. словаря⁸⁷, что было весьма полезно для торжества белорусской идеи, но было полезно и для более реальной вещи — для карманов этих граждан, которые с каждым новым изданием «слоўніка» заметно наполнялись, придавая соавторам вместе с славой и столь приятное для мещанских душ ощущение материальной обеспеченности, устойчивости.
- [л. 19]

- Так вот, один из этих двух близнецов — именно *Л. Н. Цветков* — встретил меня очень льстиво, причем тут же заявил, указывая на рукопись, которую держал прямо под мышкой, что хочет сегодня прочесть в комиссии доклад о белорусских элементах в польском языке. Я отозвался, что это очень интересно. Цветков тогда дополнил, что хочет зачитать доклад для получения звания преподавателя (тогда он был ассистентом) и вел все научные лингвистические курсы за неимением более квалифицированных преподавателей и профессоров по кафедре. Затем подошел еще один студент, который тоже выступил со мною в разговор. Оказалось, что это член предметной комиссии от студенчества (IV курса), фамилия || Апацёнак⁸⁸. Собрались преподаватели и началось заседание. Председательствовал проф. Замотин⁸⁹. Когда дошла очередь до моего отчета о занятиях, я заявил, что мною в результате изучения литературы предмета написана работа критико-библиографического, методологического характера под заглавием «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии». В результате обмена мнениями предметная комиссия постановила предложить мне зачитать работу в совете отделений Педфака
- [л. 20]

⁸⁵Цветков Лев Николаевич (1881–1937) – белорусский лингвист, литературовед, педагог. С 1922 г. – преподаватель белорусского языка на педагогическом факультете БГУ, с 1927 г. – доцент. В 1927 г. вынужден был покинуть БГУ. Автор ряда работ по истории белорусского языка. Секретарь Института научной речи.

⁸⁶«Свет» – политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Санкт-Петербурге (1882–1917). Основатель – В. В. Комаров, редактор – И. П. Азукюль.

⁸⁷Речь идет об издании: *Байкоў М. Я. Беларуска-расійскі слоўнік* / М. Я. Байкоў, С. М. Некрашэвіч. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926.

⁸⁸Апатенок Федор Андреевич (1902–1943) – педагог. Окончил белорусские учительские курсы, затем БГУ. Преподавал в школе, на высших курсах белорусоведения, в Минском политехническом техникуме, Белпедтехникуме.

⁸⁹Замотин Иван Иванович (1873–1942) – советский и белорусский литературовед и педагог. С 1922 г. – профессор кафедры русской литературы и методики преподавания литературы БГУ, с 1925 г. работал в Инбелкульте, Белорусской академии наук. Академик Белорусской академии наук (1928), член-корреспондент Академии наук СССР (1929). С 1931 г. – профессор Минского высшего педагогического института. В 1931–1933 гг. – директор Института литературы Белорусской академии наук. Составитель и редактор изданий произведений М. Богдановича, А. Гаруна, П. Труса и др.

- в виде лекции на право преподавания (*provenia legenda*) в Университете курса исторической грамматики белорусского языка. Днем чтения лекции назначено было 1 февраля 1924 г. В текущих делах слово взял Цветков, заявивший, что он хотел бы в нынешнем заседании комиссии зачитать и свой доклад (при этом он вытащил из кармана упомянутую рукопись). Заявление Цветкова было принято *большинством* комиссии с очевидным удивлением. Председатель комиссии, проф. Замотин разъяснил Цветкову, что *даже* при всех прочих благоприятных обстоятельствах, доклад его не может быть заслушан сегодня, т. к. ассистентом || Цветковым не было подано соответствующего заявления. Что же касается желания Цветкова, чтобы работа послужила основанием для перевода его в следующую ступень квалификации — преподавательской, — то комиссия не имеет возможности подойти к его работе с этой стороны, ибо в своем составе не имеет ни одного специалиста-лингвиста профессора или преподавателя, которые могли бы дать авторитетную оценку. Доводы И. И. Замотина были признаны большинством комиссии правильными и заявление Цветкова было отклонено. Последовавшие затем события пролили на этот инцидент определенный свет, как на желание Цветкова (по указке группы «шчырых» белорусов-активистов) перебить *мне* дорогу к чтению курса истории белорусского языка.
- [л. 21] Наступило 1 февраля. Заседание Совета отделений Педфака было назначено днем часов в 12 или 1 час, хорошо уже не помню. Когда я явился в Университет (тогда уг. Ленинской и Университетской, в третьем этаже), то встретивший меня там секретарь Педагогического факультета А. Н. Вознесенский⁹⁰ сообщил мне взволнованно, что «шчырые» готовятся устроить мне обструкцию. Вслед за тем подошел ко мне студент
- [л. 22] Апаценко и заявил, что мне лучше бы не читать || вступительной лекции, т. к. студенты белор. секции моих лекций слушать не будут. На мой удивленный вопрос «почему?» — он что-то стал путанно объяснять, чего я сейчас уже не помню. Все это меня взволновало и я, встретив проф. Никольского, поставил его в известность о сделанном мне Апаценком заявлении. Н. М. Никольский сказал на это, что это демагогия Лёсика и К и что я не должен уступать этому возмутительному насилию и бойкоту преподавателя, которого они даже никогда не видели и не слышали. Я признал аргументы проф. Никольского вполне основательными и справедливыми, ибо во мне *также* поднялось чувство возмущения и протеста против наглой интриганско-политиканской клики, которая желала цинично отшвырнуть меня от университета, не желая даже *предварительно* ознакомиться с моей подготовкой к той работе, за которую я хотел взяться.
- Последовавшее затем *полностью* изложено в протоколе этого заседания, который здесь приводится.

[Отрывки из дневника И. В. Волк-Левановича]

- [л. 23] Не привился взгляд на преподавателя не как на...⁹¹ а как на всего только старшего, более опытного и знающего (а не все и всегда знающего) товарища, руководителя аудитории в ее поисках знания и метода работы.
- Сегодня же М. Н. П-ч⁹² кратко сообщил мне, что вчера, т. е. 27 марта он был у Ул. Голубка⁹³ на банкете, который был устроен по случаю юбилея Голубка (народного артиста БССР, директора странствующего народного белор. театра). Приглашение он получил от самого артиста. На банкете в числе прочих оказался и Ильюченко⁹⁴ (партийный; прежде служил в Белор. госуд. издательстве в качестве зам. Жилуновича⁹⁵, но недавно оттуда был уволен вслед за Жилуновичем). Этот Ильюченко после ужина подсел к П-чу и повел с ним такой разговор (по белоруски).

⁹⁰Вознесенский Александр Николаевич (1888–1966) – белорусский литературный критик, писатель, педагог. Был доцентом (1921–1927), профессором (1927–1930) БГУ. Преподавал историю русской литературы, методологию литературоведения.

⁹¹Неразборчиво.

⁹²Сверху другим почерком дописано: «Мих. Ник. Петухович».

⁹³Голубок (Голуб) Владислав Иосифович (1882–1937) – белорусский писатель, режиссер, актер, театральный деятель, художник. Первый народный артист БССР (1928). В 1920–1922 гг. – руководитель художественного отдела Наркомата просвещения БССР. В 1920 г. создал труппу белорусских артистов («театр Голубка») и до 1931 г. был ее художественным руководителем.

⁹⁴Ильюченко Петр Викентьевич (1891–1945) – государственный деятель БССР. В 1921–1922 гг. работал в наркоматах социального обеспечения (заместитель наркома) и просвещения (заведующий белорусским отделом) БССР. В 1924–1925 и 1926–1928 гг. – технический редактор, заместитель председателя Белорусского государственного издательства. В 1925–1926 гг. – сотрудник постпредства в Варшаве, в 1928–1929 гг. – заместитель председателя Белпайторга.

⁹⁵Жилунович Дмитрий Федорович (1887–1937) – белорусский политический и общественный деятель, писатель. С января по 3 февраля 1919 г. – председатель Временного рабоче-крестьянского правительства ССРБ, потом – политработник 14-й армии и штаба Западного фронта. Возглавлял Государственное издательство БССР, работал в Наркомате просвещения БССР, Институте истории Белорусской академии наук.

— Вы свинья!
— Что за тон?
— Никаких дискуссий!.. Тут все ответственные работники... Вы белорус, но вы не наш; будьте с нами и мы вас поддержим, а если нет, то мы вас шибанём! Мы уже хотели вас шибануть, но еще подождем, посмотрим!

— За что же вы меня шибанете?

— Вы ректор... нет, извините, — декан, а не проводите нашей линии.

— Какой линии? Я точно исполняю директивы партии и сов. власти в отношении белорусизации; что же я еще должен делать?

[л. 26] — Э!.. вы это только формально, а в душе вы не наш. Вы вст[речае]тесь и имеете дело с Волк-Левановичем, эти[м]... [контрреволюцио]нером. Вы его этой осенью встреч...⁹⁶ || ...которая не хочет умирать. Что было бы, если бы выродились подобные идеалисты? Мне думается, что наступила бы *bellum omnium contra omnes*, а за нею... смерть.

Сколько пришлось мне видеть кадровых офицеров, которые на поле сражения трусили в самые решительные минуты, и сколько вижу я теперь «кадровых» ученых, которые в нынешнюю знаменательную эпоху истории человечества — только ремесленники, думающие *лишь* о том, изготовить свой товар так, чтобы мог быть дважды и трижды и многожды продан, содержа в себе разноценные качества, рассчитанные на разные вкусы и потребности.

Мы, *недоноски*, так не предусмотрительны и потому мы глупы, глупы в «житейском» понимании этого слова. Но *жизненно* мы мудры, мудры как сама жизнь, в которой смерть, неудача *или ошибка* одних служат залогом жизни, преуспевания *или научения* других.

Почему, по какому поводу мне захотелось записать эти мысли? Разве они не являлись в моем... — Конечно являлись. Но сегодня...⁹⁷ || ...и вот по какому поводу.

[л. 27] Сегодня на лекции *студенты* меня уличили в ошибке. И ошибка, точно, вот какая. В этом году, как и в предыдущие годы, поручен семинарий по языкознанию. Это — единственный семинарий *по языку* на литерат.-лингвистическом отделении Педфака на протяжении всего четырехлетнего курса. До этого года я вел его применительно к истории белор. языка, в прошлом году только перестроив применительно к курсу старо-славянского языка, *элементов истории белор. языка и диалектологии* с предварительной проработкой *элементов*⁹⁸ общего языковедения. В этом же году пришлось применяться уже по другому, ибо читающий курс сравнительной грамматики славянских языков профессор Н. Н. Дурново⁹⁹ пожелал, чтобы семинар был подсобным и к его курсу. Так. обр. мы занимаемся в этом году: элементами общего языковедения и старослав. языком, а также болгарским, сербским, чешским и польским языками. На элементы общего языковедения и старо-слав. язык потрачено было учебное время первого семестра;

[л. 25] в...¹⁰⁰ || ...ром же семестре, теперь, мы занимаемся славянскими языками. Сегодня я закончил схематический обзор грамматических норм сербского языка. До этого пройден был такой же обзор (с чтением, записыванием и разбором соответствующих текстов) — болгарского языка. Случилось же сегодня так, что, когда я, записав на доске образцы спряжения *imperfect* и аориста от «плести» по сербски, привел параллельно образец спряжения этого же глагола по болгарски, «камчатка», т. е. несколько студентов (три-четыре человека), сидящие на задней парте, со злорадными улыбками заявили мне (собственно, один — Иодо¹⁰¹), что в свое время я форму *imperfect* по болгарски сообщил им не так и они записали не так. Если бы это было сделано без злорадных улыбок, а спокойным деловым тоном, то я бы, вероятно, с честью вышел из этого обстоятельства, т. е. сразу бы мог сообразить, что тогда я, вероятно, положившись на свою п... теперь я читаю почти...¹⁰²

[л. 24] ...Допустил ошибку, кот. бы выяснил и исправил бы. Но тут мне сразу ударило в голову: Снова травля!.. Снова создание инцидента... Начинается точь-в-точь как в прошлом

⁹⁶Низ страницы оторван, окончание текста отсутствует.

⁹⁷Угол листа оборван.

⁹⁸Вписано вместо слова «вопросов».

⁹⁹Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – российский и советский лингвист, член-корреспондент Академии наук СССР (1924), в 1928–1929 гг. – сотрудник Инбелкульта, Белорусской академии наук, профессор педагогического факультета БГУ. В 1929 г. лишен звания академика Белорусской академии наук.

¹⁰⁰Край листа оборван.

¹⁰¹Возможно, имеется в виду Еда (Ёда) Николай Васильевич (1907 – ?) – студент БГУ (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2731), затем – преподаватель рабочего факультета при медицинском институте в Минске. В сентябре 1933 г. арестован, а 1 сентября 1934 г. осужден коллегией ОГПУ как член контрреволюционной организации «Белорусский националистический центр» на 10 лет в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь.

¹⁰²Край листа оборван.

году. А вот в прошлом году я даже не сделал фактически ни одной ошибки, тем не менее *организованная* банда их мне приписала: об этом говорили на студенческом собрании, это зафиксировали в резолюции по моему делу в НКПросе. Воображаю, как эта хеўра будет ликовать и звонить о моей действительной ошибке!.. Я уже даже не пытаюсь оправдаться. Уже какие там оправдания, когда теперь роль профессора, лектора сведена к роли актера, подвизающегося на *театральных*¹⁰³ подмостках; актера, которого мож-жет судить и осмивать не только знаток и истинный ценитель искусства, но и всякий невежда, просто зевака, зашедший в храм искусства от нечего делать. Как страшно, что в нашем пролетарском университете, университете трудящихся до сих...¹⁰⁴

ПАСТАНОВА

Камісія па ацэнцы навуковай і пэдагагічнай дзейнасці дацэнта Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ВОУК-ЛЕВАНОВІЧА¹⁰⁵

Камісія, азнаёміўшыся з навуковымі працамі дацэнта Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ВОУК-ЛЕВАНОВІЧА на падставе водзыву прафэсара Бул. Дзярж. Уні-версітэту П. А. БУЗУКА¹⁰⁶, Прав. члену Інстытуту Беларускае культуры С. М. НЕКРА-ШЭВІЧА, дацэнта Беларускай мовы і літаратуры Бел. Дзярж. Акадэміі Сельскай і Ляс-ной гаспадаркі М. І. ГАРЭЦКАГА¹⁰⁷, а таксама водзваў акадэміка ЛЯПУНАВА¹⁰⁸, праф. ІЛЬЛІНСКАГА¹⁰⁹ і РАСТОРГУЕВА¹¹⁰ канстатуе, што дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ уладае ў пэўнай меры, як юрыдыцыяй, гэтак і мэтадалёгіяй мовазнаўства. Навуковыя працы яго, ня гледзячы на некаторыя памылкі ў іх, маюць навуковую каштоўнасць. Разам з гэтым Камісія знаходзіць у далейшым дацэнтэ ВОУК-ЛЕВАНОВІЧУ патрэбна звярнуць увагу на больш глыбокае вывучэнне стара-славянскіх і інш. славянскіх моваў.

Адначасна Камісія адзначае, што у тэй беларускай мове і правапісу, якіх прытрым-ліваецца дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ, маюцца адхіленьні ад прынятых на Беларусі нормаў. Гэтыя адхіленьні, паколькі яны ня ўлічваюць здабыткаў сучасная беларускай літаратурнай мовы, у частковасці мовы беларускіх пісьменнікаў і прынятага на Бе-ларусі правапісу, а кіруюцца індывідуальнымі навукова-неабгрунтаванымі спробамі, зьяўляюцца неспрыячымі ў працэсе утварэння і далейшага развіцця беларускай літаратурнай мовы.

Што датычыцца пэдагагічных навыкаў і пэдагагічнай здольнасці дацэнта ВОУК-ЛЕ-ВАНОВІЧА, Камісія на падставе вывучэння матэрыялаў паданых у камісію студэнтамі і іншымі асобамі, а таксама на аснове і суадносін паміж студэнтамі і дацэнтам ВОУК-ЛЕВАНОВІЧЕМ, канстатуе, што дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ, як малады навуковы пэ-дагагічны працаўнік яшчэ не выпрацаваў у сябе належнага пэдагагічнага такту ў ад-носінах да студэнцтва; апрача гэтага, дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ ня досыць уважліва адносіўся да запытванняў студэнтаў у некаторых выпадках застаўляючы іх зусім без адказу, што дало магчымасць студэнтам абвінавачваць яго ў памылках, альбо навуко-вай непадрыхтованасці.

Старшыня камісіі /ЛЫСОУ/¹¹¹
З арыгіналам згодна: [подпіс ст. дзелавада БДУ]

¹⁰³Вписано вместо слова «балаганных».

¹⁰⁴На этом текст дневника обрывается.

¹⁰⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 879. Л. 121 (машинопись, копия). На обороте документа – штамп: «Разгледжана на пасяджэнні Праўлення БДУ ад 25.VIII.1928 г. № 38. ПАСТАНАВЛІ: 5. Прыняць да ведама. Копію перадаць Дэканату Пэдфаку. Ст. дзела-вод БДУ [аўтограф]».

¹⁰⁶Бузук Петр Афанасьевич (1891–1938) – белорусский советский лингвист-славист, педагог. Доктор филологических наук (1924). С 1925 г. приглашен на работу в БГУ. В 1926 г. перешел в Инбелкульт, где с 1929 г. занимал должность ученого секретаря и являлся председателем диалектологической комиссии.

¹⁰⁷Горецкий Максим Иванович (1893–1838) – белорусский писатель, литературовед, переводчик, деятель национально-культурного возрождения. С 1923 г. преподавал белорусский язык и литературу на рабочем факультете БГУ, с 1926 г. – в Гор-ецкой сельскохозяйственной академии (заведующий кафедрой белорусского языка, литературы и истории), работал в Ин-белкульте (секретарь литературной комиссии) и Белорусской академии наук.

¹⁰⁸Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – российский и советский филолог-славист, академик Академии наук СССР (1923), профессор Новороссийского университета (1901–1924) и Ленинградского государственного университета (1924–1929).

¹⁰⁹Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937) – советский филолог-славист, историк и этнограф. Член-корреспондент Российской академии наук (1921), профессор Саратовского государственного университета (1920–1928).

¹¹⁰Расторгуев Павел Андреевич (1881–1959) – белорусский и российский языковед и педагог, профессор (1923). В 1925–1927 гг. исследовал говоры Гомельской и Смоленской областей.

¹¹¹Информацию о председателе комиссии авторам обнаружить не удалось.

Адкрыты ліст Народнаму Камісару Асьветы БССР,
А. Баліцкаму¹¹²

- [л. 1] У № 266 (2454) «Савецкай Беларусі» ад 20.XI.1928 г. надрукавана Ваша прамова на ўсебеларускім зьездзе працаўнікоў мастацтва пад загалоўкам «Аб шляхох разьвіцця беларускага тэатру». У гэтай прамове паміж іншым Вамі сказаны такія словы: «...мы рашуча асудзілі як расейскі нацыяналістычны ўхіл, спробу доцэнта Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту Воўк-Левановіча, які пад сыягам арыентацыі на ўсход хапеў фактычна даказаць, што беларуская мова нічым, апроч выгавару, не адрозьніваецца ад расійскай, ня ўлічваючы разьвіцця гэтай мовы ў беларускай літаратуры, у творах беларускіх пісьменьнікаў і г. д.».

- [л. 2] Кажучы «мы рашуча асудзілі», Вы, пэўна, маеце на ўвазе пастанову Камісіі «для ацэнкі навуковай і пэдагагічнай дзейнасьці» маёй, як доцэнта Б. Дз. У., аб прызначэньні якой Нар. Кам. Асьветы паведамлялася ў № 86 «Савецкай Беларусі» ад 11.IV.1928 г. Асьмельваюся аднак || зьвярнуць Вашу ўвагу на той факт, што ў пастанове гэтай камісіі, надрукаванай у № 166 «Зьвязды» ад 20.VII.1928 г., зусім няма тых абвінавачаньняў супроць мяне, якія знаходзяцца ў працытованых тут Вашых словах. Між тым камісія працавала больш трох месяцаў і мела, значыць, даволі часу, каб знайсьці і адзначыць тое, што нібыта знайшлі Вы. З Вашай заявы я толькі бачу, што Вы абсалютна не знаёмы з зьместам маіх апублікаваных да гэтага часу прац. Бо калі б Вы захацелі падмацаваць сваё цудоўнае абвінавачаньне, кінутае мне, якімі-небудзь цытатамі з гэтых прац, то пэўна не знайшлі б у іх нічога адпаведнага для Вашай мэты.

- [л. 3] З прычыны гэтага лічу сваім грамадзянскім абавязкам перад грамадзкай думкай нашай краіны заявіць свой рашучы пратэст супроць Вашай беспадстаўнай заявы, якая па сваёй неадпаведнасьці фактам ёсьць проста зьдзек над маёй асобай, як грамадзяніна і навуковага працаўніка. Сваім выступленьнем Вы — сьвядом ці несьвядома — фактычна санкцыянуеце той паход, які абвешчан супроць мяне || крайнімі нацыяналістычнымі элементамі нашай краіны, перад якімі мая віна заключаецца толькі ў тым, што я знаходжу магчымым працаваць на карысьць беларускай навукі, не адгараджваючыся кітайскаю сыяной ад усяго расійскага. І пэўна гэтая абставіна расцэньваецца, як мой «расійскі нацыяналістычны ўхіл»! Абвінавачваючы мяне ў расійскім нацыяналістычным ухале, Вы, т. Баліцкі, пэўна, не ведаеце, што мяне абвінавачваюць, мусіць усе гэтыя ж асобы, часам і ў польскім ухале! Дзе ж праўда? Як відаць пэўныя асобы...¹¹³ Ёсьць і яшчэ адна віна за мною: гэта тое, што я ўзяўся за навуковую працу ў галіне гісторыі беларускае мовы без бласлаўленьня той групы нацыяналістаў, якая з беларускай культурнай справы зрабіла манаполію для вузкага кола асоб, зьвязаных паміж сабой адносінамі сваяцтва альбо прыяцельства. Я ж пасьмеў глядзець на справу беларускага культурна-нацыянальнага адраджэньня, як на справу сацыялістычнага дзяржаўнага будаўніцтва, і заўсёды шчыра думаў і думаю, што ў вачох пралетарскай дзяржавы, якая будзе беларускую культуру, — роўнапраўны і роўнакаштоўны як тыя яе элементы (будзь то людзі ці словы), якія паходзяць з Заходняй Беларусі, гэтак і тыя, якія паходзяць з цэнтральнай ці ўсходняй Беларусі. Мне дзіўным || і цудоўным здаецца, што Вы, т. Баліцкі, як Народны Камісар Асьветы, да гэтага часу не далі сабе клопату аб'ектыўна разабрацца ў гісторыі нячуванага і нябывалага па сваёй аморальнасьці цкаваньня мяне (на працягу васьмі ўжо пяці год!), як навуковага працаўніка і проста як грамадзяніна. Праўда, у свой час Вы даручылі гэтую справу памянёнай камісіі, але чамусьці не здавольваецеся тымі данымі, якія адзначаны ў яе пастанове; пэўна Вы ўжываеце ў даным разе мэтад адміністрацыйнага «разьясьненьня», тлумачэньня, але робіце гэта церазліш вольна і беспадстаўна.

- [л. 4] З гэтай прычыны мне прыдзецца, пэўна, зьвярнуцца за маёй грамадзкай рэабілітацыяй у тыя ўстановы, якія пастаўлены Савецкай Дзяржавай на старожы законнасьці і справядлівасьці, з просьбай дакладна і аб'ектыўна ўстанавіць яснасьць у гэтым пытаньні і зрабіць належныя вывады; тым больш, што работа камісіі НКА ў гэтых адносінах зрабіла далёка ня ўсё, хоць бы ўжо таму, што мне не дана было магчымасьці выступіць перад пленумам яе з сваімі аб'ясненьнямі.

Доцэнт Б.Дз.У. Воўк-Левановіч
23.XI.1928 г.

¹¹²Личный архив Б. Н. Левановича (рукопись).

¹¹³Последние пять слов плохо читаются.

Библиографические ссылки

1. Германовіч ІК. І. В. Воўк-Левановіч. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія*. 1971;1:31–36.
2. Германовіч ІК. Воўк-Левановіч Іосіф Васільевіч. У: Германовіч ІК. *Беларускія мовазнаўцы. Том 1*. Прыгодзіч МР, Роўда ІС, складальнікі. Мінск: БДУ; 2006. с. 120–130.
3. Булахов МГ. Волк-Леонович Иосиф Васильевич. В: Булахов МГ. *Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Том 2*. Минск: Издательство БГУ имени В. И. Ленина; 1977. с. 133–135.
4. Шчэрбін ВК. Пытанні моўнай палітыкі ў працах І. Воўк-Левановіча. *Беларуская лінгвістыка*. 1989;36:24–31.
5. Цыхун ГА. Язэп Воўк-Левановіч і яго ўспаміны (з гісторыі ўніверсітэцкай славістыкі). В: Руденко ЕН, редактор. *Славянские языки: аспекты исследования*. Минск: Издательский центр БГУ; 2009. с. 230–235.
6. Чарнякевіч Ц. Спрэчка дзвюх культур: абмеркаванне дакладу В. Воўк-Левановіча 1 лютага 1924 г. у кантэксте філалагічнай навукі Беларусі 1920-х гадоў. *Асоба і час*. 2011;4:346–365.
7. Запрудски С. Белорусская лингвистика 1920-х гг. в ее отношениях с властью. *Studia Białorutenistyczne*. 2014;8:139–156.
8. Король АД, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Минск: БГУ; 2019. 335 с.
9. Рублевская Л, Скалабан В. Лингвистическая дискуссия с расстрелом [Интернет]. SB.by. Беларусь сегодня. 2009 [процитировано 10 января 2020 г.]. Доступно по: <https://www.sb.by/articles/lingvisticheskaya-diskussiya-s-rasstrelom.html>.
10. Жук Т, Ліс М. Рукапісы не гараць. Іосіф Воўк-Левановіч [Інтэрнэт]. Tut.by. 2011 [працытавана 10 студзеня 2020 г.]. Даступна па: <https://news.tut.by/culture/257428.html>.
11. Рублёвская Л. *Сутарэнні Ромула*. Мінск: Кнігазбор; 2012. 519 с.
12. Петров М. Расстрел как итог лингвистической дискуссии. *Деды: дайджест публикаций по белорусской истории*. 2011;8:32–44.
13. Робинсон МА. Заявление профессора Н. Н. Дурново. *Славяноведение*. 2011;2:86–100.
14. Карзенка ГУ, Шаўчук П. Узаемаадносіны паміж вучонымі як праява культуры (паводле аднаго пратакола). В: Тугай ВВ, редактор. *Европа: актуальныя праблемы этнокультуры. Матэрыялы Міжнароднай навучна-теарэтычнай канферэнцыі; 28 апреля 2010 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БГПУ; 2010. с. 314–317.
15. Карлюкевіч АН, редактор. *Академик Е. Ф. Карский. Биография. Том 2*. Минск: Полиграфкомбинат имени Якуба Коласа; 2019. 734 с.
16. Міхнюк УМ. *Арыштаваць у высылцы*. Мінск: БелНДІДАС; 1996. 149 с.
17. Платонаў Р. Слова за кратамі. У: Каўка А, укладальнік. *Скарыніч. Выпуск 3*. Мінск: Тэхналогія; 1997. с. 100–106.
18. Лёсік Я. *Збор твораў. 1921–1930*. Мінск: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь; 2003. 395 с. Сумесна з выдавецтвам «Логвінаў».

References

1. Germanovich IK. [I. V. Volk-Levanovich]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihologija*. 1971;1:31–36. Belarusian.
2. Germanovich IK. [Volk-Levanovich Josef V.]. In: Germanovich IK. *Belaruskija movaznawcy. Tom 1* [Belarusian linguists. Volume 1]. Pryhodzich MR, Rouda IS, compilers. Minsk: Belarusian State University; 2006. p. 120–130. Belarusian.
3. Bulahov MG. [Volk-Levanovich Josef V.]. In: Bulahov MG. *Vostochnoslavjanskije yazykovedy. Biobibliograficheskii slovar'. Tom 2* [East Slavic linguists. Bio-bibliographic dictionary. Volume 2]. Minsk: Publishing House of the V. I. Lenin Belarusian State University; 1977. p. 133–135. Russian.
4. Shchjerbin VK. [Issues of language policy in the works of I. Volk-Levanovich]. *Belaruskaja lingvistyka*. 1989;36:24–31. Belarusian.
5. Cyhun GA. [Joseph Volk-Levanovich and his memoirs (from the history of university Slavic studies)]. In: Rudenko EN, editor. *Slavyanskije yazyki: aspekty issledovaniya* [Slavic languages: aspects of research]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2009. p. 230–235. Belarusian.
6. Charnjakevich C. [The two cultures dispute: viscusson of V. Volk-Levanovich's report on February 1, 1924 in the context of the philological science of Belarus in the 1920s]. *Asoba i chas*. 2011;4:346–365. Belarusian.
7. Zaprudski S. [Belarusian linguistics of the 1920s in her relationship with the authorities]. *Studia Białorutenistyczne*. 2014;8:139–156. Russian.
8. Korol AD, editor. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 335 p. Russian.
9. Rublevskaja L, Skalaban V. Linguistic discussion with execution [Internet]. SB.by. Belarus Today. 2009 [cited 2020 January 10]. Available from: <https://www.sb.by/articles/lingvisticheskaya-diskussiya-s-rasstrelom.html>. Russian.
10. Zhuk T, Lis M. Manuscripts do not burn. Joseph Volk-Levanovich [Internet]. Tut.by. 2011 [cited 2020 January 10]. Available from: <https://news.tut.by/culture/257428.html>. Belarusian.
11. Rublevskaja L. *Sutarjenni Romula* [Basements of Romulus]. Minsk: Knigasbor; 2012. 519 p. Belarusian.
12. Petrov M. [The execution as a result of a linguistic discussion]. *Dedy: daidzhest publikatsii po belorusskoi istorii*. 2011;8:32–44. Russian.
13. Robinson MA. [Statement by professor N. N. Durnovo]. *Slavjanovedenie*. 2011;2:86–100. Russian.

14. Karzenka GU, Shaychuk II. [Relationships between scientists as a manifestation of culture (under one protocol)]. In: Tugaj VV, editor. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 28 aprelya 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Europe: actual problems of ethnoculture. Materials of the International scientific and theoretical conference; 2010 April 28; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 2010. p. 314–317. Belarusian.
15. Karljukevich AN, editor. *Akademik E. F. Karsky. Biografija. Tom 2* [Academician E. F. Karsky. Biography. Volume 2]. Minsk: Poligrafkombinat imeni Jakuba Kolasa; 2019. 734 p. Russian.
16. Mihnjuk UM. *Aryshtavac' u vysylcy* [Arrest in exile]. Minsk: BelNDIDAS; 1996. 149 p. Belarusian.
17. Platonay R. [Words behind bars]. In: Kauka A, compiler. *Skarynich. Issue 3*. Minsk: Tjehنالogija; 1997. p. 100–106. Belarusian.
18. Ljosik Ja. *Zbor tvoraw. 1921–1930* [Collected works. 1921–1930]. Minsk: National Archive of the Republic of Belarus; 2003. 395 p. Co-published by the «Lohvinau». Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2020.
Received by editorial board 15.04.2020.